

Ирина
Тутыркина



ТИШИНА ЭТИМ ВЕЧЕРОМ

* * *

Во снах ко мне приходит странный страх,
Охватывает, сковывая, тело.
Пытаюсь хоть малейший сделать шаг –
И вот уже я птицей полетела
На дно реки и в сердцевину глыб
Из льда белёсого, как соль морская.
В реке – большие стаи красных рыб,
Они ко мне плывут и окружают
В такое плотное и скользкое кольцо,
Что не хватает лёгким кислорода.
Течение нас медленно несёт
Туда, где море сшито с небосводом.
Я чувствую, как чешуя растёт
Во мне, на мне – и, превращаясь в рыбу,
Плыву с другими вместе на восток.
И больше нет ни страха, ни обиды.

* * *

Ты не видел, как ночь выливается из стакана,
Как фарфоровой чашкой летит безнадёжно вниз,
И осколки луны в совок собирает мама,
Утирая слезу, потому что пропал сервиз.
И когда за столом соберутся безмолвно гости,
То кому-то придётся пить из дрожащих рук.
Ты не знаешь, каким холодным бывает воздух:
Что слова от него замерзают ещё во рту,
А когда разжимаешь губы — то выпадают,
Словно кубики льда, и больно стучат об пол.
Но не тают –
и мама в ладони их собирает
И кладёт вместо хлеба на поминальный стол.



* * *

Я, говорит, ухожу, ну а ты сиди
 У окна и смотри на дорогу – на дождь, на снег.
 Вот мы были с тобой живые – и вот нас нет.
 Только память плетётся сзади, а впереди
 Пустота – ни души.
 И стелется по земле,
 Поглощая шаги, зловещий густой туман.
 И едва различимо, кто там, кого и где
 То ли выпустил из, то ли поймал в капкан.

Я, говорит, не вернись, ты меня не жди,
 Гороскопам не верь и не читай газет:
 Где мы были с тобой живые – там больше нет.
 И не вырвать теперь боль из твоей груди –
 Проросла из зерна промёрзшей насквозь тоски,
 Пробиваясь сквозь толщу жгущего душу льда.

Я, говорит, устал – ухожу, прости.
 Я отвечаю «нет» – а шумит вода.

* * *

Как жаль, что никогда не стать мне той,
 К которой по утрам прильнув щекой,
 Ты, вслушиваясь в сердца ровный стук,
 Едва касаясь пальцев тонких рук,
 Забудешь обо всём – про страх и сны,
 В которых, обнажая плоть десны,
 Озлобленная псина щерит пасть.
 Ведь я всего лишь временная часть
 Твоих часов, им облегчая ход.
 Когда необходимость отпадёт
 Во мне, в моих движениях и словах,
 Останусь просто стрелками в часах,
 Со сломанным навеки механизмом.
 И жаль, что нам не хватит целой жизни,
 Чтоб всё исправить – я останусь той,
 Кто пустоту сменяет пустотой.

* * *

Мне подарили двадцать четвёртую букву.
 Сказали: «Возьми и называй слова,
 с которой они начинаются,
 и говори их, пока не прогонишь душевную муку,
 пока не почувствуешь,

как эта буква в тебе растворяется,
становится частью тебя, сливаясь в единое целое».

Двадцать четыре – число моего дня рождения.

Мне сказали: «Представь,
что букву тебе подарил сам Бог,
если бы мог.
И что бы ты в жизни ни делала,
в моменты падения,
когда тебе кажется, что всё вокруг разбивается,
ты вспомни о двадцать четвёртой букве внутри себя
и повторяй слова,
с которой они начинаются.
Целое.
Ценное.
Цель.
И так далее.
И думай, что эту букву тебе посвятили
Бог и я».

* * *

Вопросов нет ни к богу, ни к себе,
Ни к чёрному оконному проёму,
Что манит совершить побег
И пасть в объятья вязкой вечной комы,
Увидеть снов невидимое дно,
Где в стаи собираются кошмары.
Их кормят светом, вознося огонь,
Больные птицы.

Очертанья рамы
Всё чётче прорисовывает мгла.
Внутри темно и холодно снаружи.
И птицы бьются в тонкий лёд стекла,
Ломая тишину, хрипят натужно.
Когда уйдём – они вернутся к нам
В глубоких снах, чтоб рассказать о чём-то
На языке неведомом, к словам
Цепляя запятые.

Время стёрто,
Как на бумаге карандашный след.
И всё забылось, что случалось ночью.
Вопросов нет ни к богу, ни к себе,
Ни к чёрному на белом многоточию.

О НЕБЕСАХ И МОРЕ

Мне часто в последнее время снится морская гладь,
Где чайки над кромкой берега учат птенцов летать,
А в небе (посередине) вращается жёлтый шар.
Любуясь им, Руди и Мартин на белом песке лежат.
Они говорят мне: знаешь что, всё это ерунда –
Никто наверху не спросит, бывала ли ты когда
При жизни хоть раз на море (и всё равно, на каком).
Там нет никаких вопросов, на небе совсем не то,
О чём повествуют книги, показывают в кино.
Всё небо – сплошное море с каменным белым дном,
И в нём обитают рыбы с серебряной чешуёй,
С красными плавниками, светящейся головой.
Сбиваются рыбы в стаи – и море меняет цвет.
Внизу, на земле, зовётся это закат, рассвет.

Но самое главное, знаешь (так было за веком век):
Когда умирает рыба – рождается человек.

* * *

Посмотри на оранжевый шар апельсина:
Как красив он.
И как эта скатерть красива,
По которой скользит, движимый некой силой,
И падает он за край.

Но падение беззвучно.
И даже почти трагично:
Там, внизу, его поджигает спичкой
Тот, кто ловит в ладони.
И говорит привычно:
«Гори, да не умирай».

И горит апельсин пламенем апельсиным,
Отражаясь в зрачках, как в море бездонном синем.
А ты смотришь в глаза и думаешь:
«Как красиво.
Только не закрывай».

* * *

Когда нас не станет, поверь, – ничего не изменится.
Соседи, что снизу, опять разведутся-поженятся.
По радио будут крутить вперемешку со Сплином
то новую Ньюшу, то богом забытых Дельфинов.

Всё те же трамваи будут ходить по маршрутам,
которыми мы добирались до дома под утро,
но спать не ложились, а молча сидели на кухне
и думали: рухнет без нас чей-то мир? не рухнет?
Ты мне говорил:
За плоскостью этого неба
есть что-то важнее и насущнее насущного хлеба.

Когда нас не станет – не будет лишь рая и ада:
Ни мне, ни тебе в них верить больше не надо.

* * *

И останется после только полынь-травы
да дождями на ней прибитая горечь-пыль.
Через сорок ночей утихнет тоска, молва,
и притупится боль, а мы превратимся в быль:
доскать, жили да были, не верили ни во что,
а без этого боязно страшного ждать суда.
И уже никому не докажешь, что решето
можно воду носить при желании хоть куда,
что не верить в Него – не значит без веры жить,
что мы сами себе и судья, и всесильный бог,
остальное же всё – предрассудки и миражи.
А когда истечёт отведённый для веры срок,
то останется только горечь полынь-травы,
от солёных дождей сырая в горсти земля.
И неважно, кто прав, хоть истины и новы,
если больше от боли некому исцелять.

ВПРИТЫК

время – расставить точки в словах над «і»,
камни собрать, как водится, про запас:
выстроим крепость там, где всегда болит,
чтобы никто не видел, как спит нас

новых, почти без трещин, из глины бог,
как прокалит нас в солнечной он печи,
и безымянных выставит за порог.
время искать к себе же самим ключи,

время кормить с ладошки свой детский страх
и, приручив, как кошку, в ответе быть,
чтобы он впредь не прятался в зеркалах,
после – без сожаления отпустить

ввысь, где плывут белёсые облака –
чьи-то чужие страхи до хрипоты.
только бы синих птиц удержат в руках –
времени жить у нас, как всегда, впритык.

* * *

Давай помолчим и послушаем, как звенит
тишина этим вечером.
Под потолком висит
и качается там, как маятник, взад-вперёд.
Слышишь, как она голосом матери нам поёт
колыбельную:
«Баю-бай, ой люли-люли,
не боли ни внутри, ни снаружи –
нигде не боли.
И не рвитесь слова из горла,
как с цепи в подворотню пёс.
Счастье любит, когда молчат и когда всерьёз».

* * *

Я нарисую море, на море – закат:
Жёлто-оранжевый шар над чертой горизонта,
Светятся волны, как будто бы сотни лампад
Ярких, подводных зажёт невидимый кто-то.
Ветер притих на самом краю холста,
Словно боясь прикоснуться к небесной глади,
Где отражается море, а в море – закат,
Который рисую я для тебя и ради
Счастья смотреть на счастье из ничего,
Что не исчезнет, как это солнце вскоре.

Только б хватило красок закончить холст,
Чтоб подарить тебе твоё личное море.

* * *

Ничего не просить, не требовать и не ждать –
Нам никто не поможет, никто не придёт спасать.
Научись не дышать едкой гарью – горят мосты.
По периметру в городе выставили посты –
Не пройти незамеченным мимо, не улизнуть.
Нас оставили здесь, чтобы мы отыскиали суть:
Почему за бедой приходит всегда беда
И узнали, какая на вкус эта боль-вода,
Что сквозь тонкие пальцы капает в пепел-снег,
И кому человек – пустота, кому – человек.

ЗИМНЯЯ ЗАРИСОВКА

Мой заснеженный город,
ты такой по утрам неуклюжий.
В сонной дымке гудят
силуэты продрогших авто.

Под ногами хрустят
замёрзшие лужи из кружев,
лезет ветер под ворот
драпового пальто.

Вдоль дорог фонари
разливают кисель желтоватый.
Гаснут окна и звёзды,
Над крышами блёкнет луна.

Целомудренный воздух
обжигает морозною мятой,
До конца растворив
остатки сладкого сна.

Гумыркина Ирина Сергеевна родилась в 1987 году в г. Зырянске Восточно-Казахстанской области. С 2007 года живет в Алматы.

Лауреат II степени в номинации «Поэзия» III международного литературного конкурса «Верлибр» (2016), лауреат международного творческого конкурса «Сон в руку» в номинации «Поэзия» медиа-проекта «Самарские судьбы» (2016), лауреат международного литературного конкурса имени Александра Куприна-2016 в номинации «За лучшую поэму или стихотворение», победитель VI международного литературного конкурса, посвященного памяти писателя К.М.Симонова и 75-летию героической обороны города Могилева, в номинации «Поэзия» (3 место в возрастной категории от 18 до 35 лет).

Публикации: в сетевой версии журнала «Великороссь» (2014), в литературном альманахе «Ликбез» (2016), в журнале поэзии «Плавмост» (2016), в поэтическом альманахе «45-я параллель» (2016), на литературном портале «Белый мамонт» (2016).

